

Лампасы на белых штанах

Не возникнуть у руля Союза кинематографистов Никита Михалков не мог. Пять — семь лет назад в стране настало время семидесятников — людей вполне заслуженных, но еще достаточно энергичных, чтобы держать в руках вожжи министерств, главкоматов и творческих союзов. Меж тем буферное меж стариками и молодежью поколение пятидесятилетних в кино насчитывало от силы пять-шесть харизматических фамилий. На то были объективные причины.

Оседлав в момент кинематографического бума шестидесятых растущее производство, предыдущее поколение военных лейтенантов и старшекласников не пустило своих родившихся после войны младших братьев в профессию. В то время как в Голливуде генерация бэби-бума сегодня занимает главенствующие позиции, в России она ограничена именами Вадима Абдрашитова, Владимира Меньшова, Никиты Михалкова, Сергея Соловьева, Карена Шахназарова и Станислава Говорухина. Почти все названные лица в тот или иной момент претендовали, а то и носили секретарско-председательские погоны. Лишь Михалкову путь вверх долгое время был закрыт опрометчивым выступлением в защиту Сергея Бондарчука на «революционном» Пятом съезде. В тот раз у неоднократно битых властями и тем же Бондарчуком делегатов раззуделась рука, и они дружно прокатили Михалкова на выборах секретариата.

В том не было ничего вызывающего: к маю-86 Н.С. был сорокалетним популярным режиссером, поставившим семь фильмов, один из которых — «Неоконченная пьеса для механического пианино» — имел Гран-при Сан-Себастьянского фестиваля-77, а другой — «Свой среди чужих, чужой среди своих» — пользовался безграничной любовью нации после многократного показа по каналу для глухих с субтитрами С. Эзро. Режиссеров с аналогичными заслугами перед отечеством на съезде было пруд пруди; не всем же в президиумах сидеть. Однако для Михалкова это было тяжелейшим нокдауном: на весь период гигантского скачка, когда доктора наук становились мэрами столиц, а майоры охраны ближайшими президентскими советниками, он был отстранен от соблазнительной дележки заоблачных высот (вдогонку через год после съезда новизобретенный лидер Союза Элем Климов, судя Каннский фестиваль, помешал михалковским «Очам черным» получить «Золотую пальму», на которой настаивал председатель жюри Ив Монтан; это было уже совсем неприлично и во многом освобождало Михалкова от каких-либо этических обязательств, которыми он, признаваясь, и не думал себя связывать).

На новом съезде в Кремле, уверяя, насколько безразлично ему секретарство, Н.С. оговорился: «Жил десять лет без Союза — как-нибудь и дальше проживу». Из Союза его, собственно, никто не гнал, всего-навсего не выбрали в вожди — однако для честолюбивого солиста главным в игре никогда не было участие. Только победа! — знамена долгу, ковровая дорожка на снег и шапки в небо.

К концу 97-го, когда все именитые ровесники попробовали секретарства и навлекли на свои головы неизбежную ненависть масс, которыми взялись управлять в смутное время, белый конь «Союз кинематографистов — Кремль» ждал Михалкова у подъезда дома на Васильевской. Старики, в пору михалковской молодости не дававшие продыху начинающим, получили в качестве презента безальтернативного командарма.

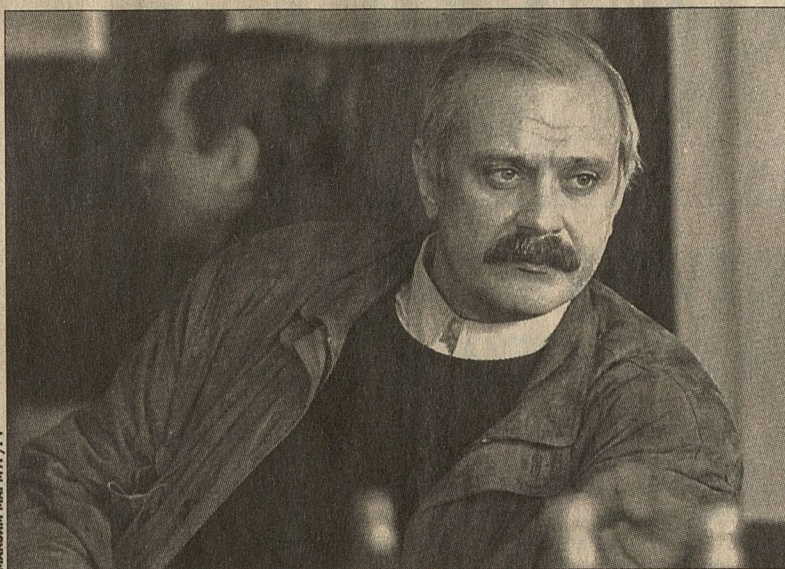
Я пришел дать вам долю

На съезде Михалков многократно педалировал три «НЕ».

Русский Телеграф. — 1998. — 2 июня. — с. 10

Верунчик, сама-сама-сама

IV съезд Союза кинематографистов России
завершил прекрасную эпоху
и опять открыл великую



Он НЕ хочет подмять под себя Роскино, НЕ жаждет реванша за Пятый съезд и НЕ собирается ничего украсть. Всеми его инициативами движет искренняя боль за российское кино, зрителя и рядового члена СК. Панацеей от всех бед отрасли призван стать Внебюджетный фонд развития кинематографа, который будет финансировать наиболее яркие национально ориентированные произведения и обеспечить сносную старость ветеранам Союза, из которых он, собственно, и состоит (средний возраст члена СК — пенсионный — 60 лет).

Наполнить фонд звонкой деньгой сможет, по мнению михалковского штаба, лицензирование розничной видеопродажи, увеличение цены касет с фильмами до стоимости четырех-пяти билетов в кино и ограничение кинопоказа на телевидении по французскому варианту (в этом случае ленивый зритель, вне всякого сомнения, понесет свои скудные сбережения в кинозал).

Не надо быть Адамом Смитом, чтобы понять, какая это беспросветная маниловщина. Сегодня кассета стоит столько же, сколько среднескопский билет в кино — 27–30 рублей. Для того чтобы заставить кого-то покупать их по цене 100–120 рублей, Михалкову придется поискать другой народ. Что же до лицензирования видеоларьков и ограничения кинопоказа на ТВ, то здесь деятельность Н.С. столкнется с интересами таких Больших Мужчин, «о которых лучше и не знать, что они есть» (цитата). И если видеопираты скорее переберут половину членов Союза, чем поделятся своей грязной копейкой, то олигархи, владеющие телеканалами и имеющие твердую цифру с рекламных пауз, просто без затей сведут на нет все его инициативы: чемпионом по открыванию кремлевских кабинетов Н.С. является только в профессиональной киносреде. На верхних верхах его схарчат и не подавятся — к сугубому ликование рядового зрителя, которому Михалков предлагает нести в кинотеатр деньги, сегодня тратимые на колбасу у бесплатного телевизора.

Таким образом, речь опять возвращается к бюджету. Нынче всеми миллионами господдержки кинематографа распоряжается коллегия Роскино во главе с министром А.Н. Медведевым. Авторитет этого человека в кино кругах не оспаривается — однако за день до съезда ему исполнилось 60, и, как все федеральные министры, он обязан

подать прошение об отставке. В интересах Михалкова, чтобы эта отставка была принята и появилась возможность продать на министерский пост кого-либо из соратников. По крайней мере, многочисленные пени сегодняшнему репертуару на секс и насилие наводят на мысль, что Н.С. и сам не прочь порешать, кому давать деньги на съемки, а кому нет. В любом случае это будет решаться не в КДС, а на самом кремлевском верхе — но для начала Михалкову требовалась безоговорочная поддержка кинообщества или хотя бы ее видимость. Для этого в проект устава под лозунгом «Большая ответственность — большие полномочия» были внесены поправки о делегировании председателю всех имущественных прав Союза, назначении им секретарей взамен выборности и избрании на неограниченное количество сроков.

Съезд мог и взбрыкнуть. Одобряем нужно было готовить.

Елка в Кремле

Идея собрать Союз целиком, вне всякого сомнения, была цезарским ходом. Во-первых, вместо избираемых на съезд авторитетов, не склонных падать ниц перед михалковской харизмой, он получил массу благоговящих рядовых. Во-вторых, четырехтысячный списочный состав позволил вернуть действие в стены КДС, помнившие его двенадцатилетней давности унижение. В-третьих, появилась возможность ужать принципиальнейшее обсуждение внутреннего распорядка Союза до одиннадцати часов: если в Доме кино серьезные съезды временами заканчивались за полночь, кремлевская обслуга не стала бы ждать, пока киношники обсудят все свои выгоды и риски.

Знакомый по телетрансляциям интрьер, большие римские цифры на плюшевом занавесе и трибуна с орлом вместо серпов-колосьев («та самая!» — шептались по рядам) наводили на самые комически-угрюмые воспоминания. Михалков не дал им развиться. Сначала было зачитано приветствие президента. Президент желал и выражал надежду. Потом было зачитано приветствие мэра. Мэр сердечно приветствовал и верил. Потом зачитали приветствие президента американской ассоциации киноэкспортеров Джека Валенти. Джек передавал самые теплые слова и высоко ценил степень сотрудничества. Потом лично Михалков зачитал послание патриарха. Патриарх призывал созидать и помнить об ответственности. Затем от имени мусульман выступил председатель совета муфтиев России Равиль Гайнутдин, а от иудеев — главный российский раввин Адольф Шаевич. И без того невеликий срок обсуждения устава сократился еще на 2 часа. Когда в зале уже начали ждать пионеров с цветами и фанфаристов по проходам, слово для доклада предоставили председателю Михалкову (аплодисменты председателствующего в микрофон). Михалков поблагодарил всех за теплые слова. Поговорил о кино, «которое дорого нам всем и когда-то приносило государству доход, третий по объему после водки и табака». Изложив суть программы внебюджетного фонда, объявил, что он смел, прав и счастлив, и вернулся в президиум под гром оваций.

Безупречную картину всеобщего распада, катастрофы и чрезвычайщины портила союзная молодежь, продолжающая весьма недорого снимать, получать призы и даже кое-где возвращать вложенные средства. В рамках малобюджетного проекта студии Горького и питерской СТБ за последний год вышли фильмы «Брат», «Страна глухих», «Мама, не горюй», «Змеиный источник», «Мытарь», «Про уродов и людей», «Дрянь хорошая, дрянь плохая», «Сергей Эйзенштейн. Мексиканская фантазия», половина из которых прошла в конкурсах и информационных показах главных фестивалей мира. Поэтому нынешний репертуар подвергся громоздному разному за безыдейности и бездуховности, а в качестве иллюстраций были приведены фрагменты из фильмов Дмитрия Месхиева, Николая Лебедева и Максима Пежемского, которого угрозой снять пародийный детектив целиком на сцене Директора студии Горького Сергея Ливнева, пытавшегося напомнить, что главное — окупить затраты, свистом и аплодисментами сигналы с трибуны.

Аналогичной обструкции подверглись выступившие против безальтернативности выборов, отмены демократических процедур и превращения творческого союза в министерство Вадим Абдрашитов, Владимир Меньшов, Наталья Фатеева и Леонид Гуревич. Взынченный зал обшикивал их, а из президиума регулярно звонили в колокольчик, обрывая на полуслове. Сбить себя не дал один Юлий Гусман, пообещавший самому активному хлопалыщику спуститься после выступления в зал и захлопать его до полного бесчувствия (из уст создателя бакинского клуба каратэ угроза прозвучала убедительно). Зато самых долгих аплодисментов удостоилась Валентина Теличкина, предложившая спеть вместе с Никитой «Отче наш» и разрыдавшаяся от душивших ее чувств прямо на трибуне. Съезд проголосовал за принятие поправок к уставу — пакетом, за предложенное Михалковым правление — списком и за наделение его чрезвычайными полномочиями — чомом. Для экономии времени голосование сделали открытым. Союз, на обработку которого было потрачено столько виртуозных режиссерских усилий, показал, что и без обработки проголосовал бы за все, что предложит его новый любимец «с глазами, внушающими огромное доверие».

«Верунчик, сама-сама-сама». Первый шаг на пути превращения киноотрасли в гигантскую монополию с Михалковым во главе был сделан без сучка и задоринки. Вам привет от Лукашенко. Самовлюбленный и мстительный человек получил абсолютную власть над некогда свободным сотрудничеством кинематографистов. Вне зависимости от исхода правительственных тяжб он может сегодня с легким сердцем сказать: «Мое кино. Мое кино, мое кино, мое кино».

ДЕНИС ГОРЕЛОВ